

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИРОТСКОГО СУДА г. ВЛАДИМИРА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.*

Аннотация. Освещается деятельность сиротского суда в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. Рассмотрены законодательная основа, принципы комплектования, место сиротского суда в структуре городских органов управления. Показаны особенности взаимоотношения опекунов и опекаемых, особенности функционирования капитала в семьях, потерявших кормильца. Сделан вывод об эффективности деятельности сиротского суда.

Ключевые слова: реформы Екатерины II сиротский суд, семья, функционирование капитала.

Изучение семьи как одной из важнейших социальных структур позволяет проследить особенности функционирования общества на конкретном этапе его развития. В последние десятилетия подобный подход стал закономерным следствием переориентации исследований от социальной к социокультурной истории, в которой значительная роль отводится различным аспектам традиций повседневных отношений. В данном контексте большой интерес представляет сложившаяся практика опеки семей, потерявших кормильца.

Проблема опеки впервые в русском законодательстве была поставлена в Русской Правде [42, 327]. На протяжении столетий общество по-разному решало вопрос о социальной поддержке наиболее уязвимых категорий населения – прежде всего малолетних детей и вдов. После смерти главы семьи в случае отсутствия взрослых мужчин оставшиеся члены семьи начинали испытывать нужду в стабильном источнике доходов. Длительное время функцию призрения брала на себя церковь. С XVIII в. все активнее в регулирование защиты лиц, нуждающихся в попечительстве, вмешивалось государство.

В данной статье рассматривается деятельность Владимирского сиротского суда. Сиротские суды, созданные в последней четверти XVIII в., являлись принципиально новой для российской действительности структурой социального попечительства. Основной их задачей являлась опека вдов,

сирот и их имущества из непривилегированных слоёв городского населения. Обращение к указанной проблеме вызвано, прежде всего, слабой изученностью темы. Долгое время исследователи активно разрабатывали вопросы деятельности органов опеки либо в историко-правовом аспекте, обычно в рамках изучения гражданского (семейного и наследственного) права [см.: 29; 32; 37; 38; 40], либо в контексте общей характеристики реформ, проводимых Екатериной II [см.: 36; 39; 33; 41 и др.]. Реальное функционирование сиротских судов на региональном уровне практически не изучено. Здесь можно отметить лишь небольшую статью О.Е. Думенко о сиротском суде г. Твери в конце XVIII – начале XIX в. [31, 71-77]. Между тем рассмотрение данного вопроса позволяет более полно представить социальный аспект реформ Екатерины II и выявить некоторые черты психологи и социокультурного облика купечества и мещанства.

В соответствии с «Учреждениями для управления губерний» сиротские суды создавались при городских магистратах [28, 430-435]. Однако, это были вполне самостоятельные административные структуры со своим штатом и делопроизводством. В составе делопроизводственной документации сиротского суда г. Владимира можно выделить докладные реестры, журналы заседаний, рапорты и ведомости опекунов, дела об установлении опеки, отдельные указы наместнического правления [Государственный архив Владимирской области. Ф. 549]. Этот комплекс документов вместе с материалами Владимирского городского магистрата (Ф. 17) и городской думы (Ф. 400) составил источниковую базу данного исследования. Дополнительно были привлечены законодательные акты.

С точки зрения действовавшего законодательства опека являлась установленным государством попечением о тех, кто по разным причинам не мог самостоятельно позаботиться о себе и своем имуществе. Следовательно, опека – это установление государственное, а не частно-правовое [30, 71]. Таким образом, государство обязано было взять на себя контроль и за деятельностью лиц, осуществлявших опеку, и за деятельностью самого сиротс-

* © Киприянова Н.В.

кого суда. Отчёт о своих делах «погодно» суду следовало отправлять в губернский магистрат. Закон предусматривал, что в сиротском суде «председает» городской глава, а вместе с ним заседают два ратмана городского магистрата и городской староста. Все эти должности являлись выборными в системе городского административного управления. Во Владимире выборы «к общественным должностям» - городского главы, заседателей совестного суда, старост и словесных судей, бургомистров и ратманов городского магистрата – по указу наместнического правления были проведены в 1778 г. [8, 1], вскоре после открытия Владимирской губернии. С этого времени и начинается деятельность городского сиротского суда.

В первые годы осуществления местных административных реформ функции вновь создаваемых структур управления не были четко разделены. В частности, в 1791 г. в деятельности сиротского суда принимал участие секунд-майор Г.А. Григорьев. Он являлся заседателем Приказа общественного призрения, в ведении которого находились богадельни, работные и смирительные дома, учебные заведения. Григорьев обратился к сиротскому суду с просьбой от Приказа о взыскании с купца Ульянова долгов по поставкам продовольствия («муки, крупы и всяких съестных припасов») для инвалидного дома [9, 3]. Подобные вопросы находились в ведении магистрата и полиции. В данном случае происходило замещение понятий: функции индивидуального попечительства были распространены на целое учреждение. По наблюдениям О.Е. Думенко, аналогичная ситуация на начальном этапе проведения реформ наблюдалась и в Твери: обязанности сиротского суда и Приказа общественного призрения были тесно переплетены, и сиротскому суду поручалось следить за работой городской школы и богадельни [31, 72-73]. Со временем, в соответствии с законодательством Екатерины II было завершено разделение полномочий между местными органами власти.

Основной функцией сиротского суда являлось обеспечение опеки над детьми горожан, оставшихся без родителей. Поводом для установления опеки являлось полное или частичное отсутствие у опекаемых правовой или хозяйственной дееспособности.

Процедура установления опеки начиналась с констатации факта сиротства. На заседании сиротского суда городской глава сообщал «присутствующим» о детях, остав-

шихся без попечения родителей. Эти данные должны были поступать из магистрата, но в журналах заседаний применялась традиционная формула - «до сведения моего дошло» - без указания на источник информации. Далее глава подчеркивал, что он «долгом своим поставляет сей суд уведомить ... по силе высочайшего о управлении губерний учреждения» [14, 1]. Ссылка на долг не являлась пустым звуком или формальным оборотом речи. В соответствии с 296 ст. «Учреждений» одна из обязанностей городского главы состояла именно в уведомлении членов суда об осиротевших малолетних детях. Далее сообщались самые общие сведения – о возрасте и месте жительства сирот, о недвижимом имуществе, зафиксированном в городской обывательской книге. В случае смерти обоих родителей детей приглашали на заседание сиротского суда с целью «взять с них сведения» об имеющихся родственниках, о наличии возможных «на родителях их долгах» и «другаго какого имения, кроме вышеназванного». Например, после смерти купца Я.Смолина и его жены оставшиеся без попечения дети – сын Алексей 15 лет и дочь Афимья 12 лет – самостоятельно отвечали на вопросы «в присутствии». О родительских долгах они, естественно, ничего сообщить не могли, но о «дядьках родных», «зятках» и других лицах разной степени родства или свойства рассказывали подробно. Эти показания заносились в журнал заседаний и заверялись. В данном случае «за себя и за сестру» расписывался Алексей Смолин. После «слушания оной скаски» и «разсуждений» члены сиротского суда выносили решение о назначении опекунов [14, 1-2]. Если в живых оставался один из родителей, то он подавал заявление – «прошение» - в сиротский суд о попечительстве. Обычно это была мать-вдова. В прошении уже указывалось, кого желательно назначить опекуном [19, 1; 3, 334 об.]. Как правило, предпочтение отдавалось ближайшим родственникам. В случае смерти матери сиротский суд мог возложить опекунские обязанности на отца малолетних [25, 3; 20, 10 об.]. Нередки случаи, когда вопрос о назначении опеки поднимался по заявлению кредиторов [5, 714]. При отсутствии родственников или свойственников сиротский суд мог предложить взять опеку над детьми-сиротами посторонним людям.

Требования к опекунам в законодательных актах предъявлялись высокие: они должны быть «доброго, честного и порядочного поведения», не иметь «явных и гласных» пороков, не состоять под судом. Обви-

нение в «невоздержанном поведении» могло привести к отстранению от опекунства [25, 35]. Запрещалось назначать опекунами лиц несостоятельных, растранивших свое имущество, а также имевших ссору с родителями малолетних. Опекун был обязан обеспечить не просто «достаточное содержание» детей в зависимости от размеров наследства, но и «отеческое попечение» и «добронравное воспитание» их «в познании тоя веры», к которой принадлежали опекаемые. За исполнение принятых обязанностей опекуна полагалось вознаграждение – 5 % от годового дохода с опекаемого имущества. Опекунов могло быть двое-трое, тогда сумма вознаграждения распределялась между всеми [28, 431-433].

Следующим шагом в процедуре учреждения опеки был учёт и оценка всего оставшегося движимого и недвижимого «имения». Учёт имущества преследовал две цели: во-первых, определить величину налога на наследство, во-вторых, установить материальное положение опекаемых. На данном этапе фактически определялось, за счёт каких средств будут дальше жить подопечные. Оценка имущества производила специальная комиссия, в которую входили представители сиротского суда, родственники умершего, если они имелись, два «добросовестных свидетеля» и обязательно секретарь магистрата, который и заполнял опись. Один экземпляр описи со скрепами опекунов, секретаря и свидетелей передавался в сиротский суд, а второй оставался у опекунов. С этого момента не только дом, хозяйственные постройки, огород и т.п., но и вся домашняя утварь находилась под контролем.

Материальная заинтересованность играла не последнюю роль в принятии решения об опекунстве. В 1806 г. владимирские купцы 2-й гильдии Михаил и Андрей Петровские обратились в городской магистрат с просьбой освободить их от опекунских обязанностей над имуществом малолетнего Андрея Свешникова. В качестве обоснования данного решения они сослались на занятость «по своим торговым коммерциям» и «малочисленность его Свешникова недвижимого имения» [2, 513]. Просьба об освобождении от опекунства могла обосновываться разными другими обстоятельствами. Так, купец 3-й гильдии А.Лапотников просил сиротский суд снять с него опекунские обязанности «за дальним родством, одиначеством, да к тому же за выбором в здешнюю шестигласную думу» [11, 2 об.]. Иногда опекун при необходимости – например, при длительной отлучке по делам в

другой город - мог временно передавать свои полномочия другому лицу. Например, купец 2-й гильдии И.Г. Петровский, собираясь на год в Москву «по торговой надобности», до своего возвращения возложил опекунские обязанности на сына. Отдельного разрешения для этого не требовалось [3, 93 об.].

В отдельных случаях в решение сиротского суда могло вмешаться губернское правление, хотя законом его контролирующей функции не предусматривались. Например, в 1807 г. специальным указом правление распорядилось «уволить от опекунства» купца Николая Потанина, который во Владимирском магистрате исполнял «секретарскую должность». Причину прекращения опекунских обязанностей правление объяснило тем, что «секретарю в магистрате посторонними делами кроме своей должности заниматься неприлично». Кроме того, вместе с Потаниным опекунами по данному имению сиротским судом были назначены еще три человека [2, 355 об.]. В законе не оговаривалось количество опекунов на одно хозяйство. Судя по рапортам и отчётам, подаваемым ежегодно в сиротский суд, сирот и оставшееся имение обычно опекали два человека. Увеличение числа опекунов в данном случае, возможно, было связано с размерами имущества: по сведениям городской обывательской книги, в наследство малолетним Петровским, над которыми осуществлялась опека, достались три дома, семь лавок, шесть пожен, пивоварня [7, 85 об.-86.].

Исключительно подробную инструкцию по осуществлению опеки содержало «Примерное, или повальное, наставление опекунам», помещённое в XXI гл. «Учреждений для управления губерний». Законодательство учитывало все виды движимого и недвижимого имущества, которое переходило по наследству: «дома, лавки, фабрики или заводы и тому подобное... движимое имение, крепости, вексели, контракты, закладные и всякия вещи». Все это поступало опекунам в «смотрение и ведомство». В их подчинении отныне находились и приказчики (если они имелись), и работавшие на промышленных предприятиях крестьяне. «Наставление» подчёркивало, что опекуны должны осуществлять хозяйственную деятельность по имуществу малолетних в полном объёме: «содержать и приводить торги, промыслы и прочия дела... содержать фабрики, заводы», взыскивать долги по векселям и закладным. Полученный от хозяйства доход распределялся на две части. Из одной выделялись средства для

содержания малолетних «по имуществу без излишества и без роскошных прихотей», из второй следовало оплатить «государственные поборы бездоимочно».

Сложным оставался вопрос о долгах самих опекаемых. Закон однозначно предписывал «имение освободить от всякого долга». Для этого опекунам следовало «стараться изворачиваться» таким образом, чтобы была возможность ликвидировать первоочередные долги, а для других «выиграно было время». Полная продажа имущества для погашения долга не предусматривалась. В случаях, когда сумма долга превышала стоимость оставшегося у малолетних имущества, сиротский суд выносил решение «имение для удовлетворения наследников сохранять» [18, 102]. Если «приходы, прибыль или барыш» были недостаточны для ликвидации задолженностей, опекунам следовало обратиться в городской магистрат за «наставлением». В самом крайнем случае, когда «малолетний остался без всякого имения», сиротскому суду предстояло решать, каким образом обеспечить его дальнейшее существование. Закон в этом случае рекомендовал поместить сироту «в общественное для сырых училище», либо отдать «доброхотным людям» для обучения промыслу или ремеслу [28, 432-435].

С 1785 г. было установлено различие опеки и попечительства. Обязанности опекуна прекращались, когда опекаемому исполнилось 17 лет. С этого возраста он приобретал частичную дееспособность, но ещё не имел права полностью распоряжаться наследством. Попечитель, в отличие от опекуна, нес ответственность только за имущество. «Достигнув совершенных лет», подопечные могли подать прошение о передаче имения «в свое собственное владение» и назначении попечителя – обычно из ближайших родственников [22, 11 об.; 18, 110]. Выданная замуж девушка-сирота освобождалась от опеки, так как с этого момента находилась под покровительством мужа. По её просьбе он тоже мог быть назначен попечителем ее наследства [18, 78, 81 об.- 82 об.].

Итак, основной обязанностью опекунов являлось «умножение имения малолетнего». Деятельность по реализации данного положения определялась как структурой, так и размером полученного в опекунство имущества.

Дела Владимирского сиротского суда позволяют проследить различные аспекты функционирования института опеки над купеческими и мещанскими вдовами и сиротами. «Отчёты и рапорты опекунов» предо-

ставляют сведения о состоянии опекаемых и их имущества, прежде всего – об источниках дохода и основных статьях расхода. Эта информация объединена в ведомости в форме таблиц. В первой графе содержались данные о малолетних: имя, возраст, место жительства («в собственном доме», «у бабки», «в доме опекуна»). Во второй фиксировались сведения о полученном наследстве. Полностью заносились сведения только о недвижимости, о движимом имуществе давалась лишь самая общая информация – например, «товару в лавке на 200 руб.». В третьей графе указывалось, какие доходы были получены за год, в четвёртой – сообщалось о расходах. Векселя, заёмные письма, закладные и прочие финансовые документы обычно отдельно не выделялись. Информация о них появлялась только в графах «доходы» или «расходы». Например, «в претензии по условию полюбовно получено 50 руб.», или - «отдано по закладной купцу Лазареву 286 руб.» [24, 8, 35]. В конце XVIII – первой четверти XIX в. таблицы оформлялись от руки, в 1846 г. появляются бланки, отпечатанные в типографии. Сведения, необходимые для отчёта, систематизировались. В первую графу, помимо общих данных об опекаемых, следовало внести информацию о «звании» опекунов и степени их родства с подопечными. Во второй предлагалось описать недвижимость и показать «доход с имения деньгами и произведениями». Третья графа должна была содержать описание движимого имущества с учетом «капиталов наличных и в долгах находящихся». Также здесь требовалось указать, какие меры предприняты опекунами по взысканию долгов. В четвёртой графе делался акцент на описании «долгов на опекаемом казне и частным лицам». В пятую графу заносились расходы по трём пунктам: 1) на содержание опекаемых, 2) поддержание их имения, 3) уплата долгов с обозначением времени выдачи платежных расписок. В последней, шестой, указывался остаток наличной суммы и предложения опекуна по её использованию [20, 280 об.-281]. По форме эти отчетные ведомости несколько отличаются от аналогичных документов Тверского сиротского суда, но содержат практически те же сведения.

Дела об установлении опеки более информативны. Они интересны прежде всего тем, что позволяют проследить особенности взаимоотношений опекунов и опекаемых, дают представление о материальном положении, рисуют различные жизненные ситуации, характеризующие систему ценностей

горожан, их мировоззрение.

За период конца XVIII – первой половины XIX в. в фонде сиротского суда выявлено тридцать пять дел об определении опекунов к сиротам из купеческих и мещанских семей. Реально их должно было быть больше. В 1834 г. Владимирская палата гражданского суда проверяла отчёты опекунов. Одно из замечаний после проведенной проверки состояло в том, что на ревизию было представлено всего двадцать дел. Палата выражала недоумение, почему не учреждена опека над остальными сиротами [24, 39]. Возможно, сиротский суд не всегда в полном объёме исполнял свои обязанности, но следует также учесть, что установление опеки могло произойти только после подачи прошения или обращения городского главы. По инициативе суда опека не устанавливалась. Некоторые дополнительные сведения дают журналы городского магистрата. В частности, в них зафиксировано обсуждение членами магистрата вопросов об установлении опеки над имуществом и детьми умерших купцов К. Мигунова (1805 г.), Я. Холщевникова (1806 г.), М. Петровского (1806 г.), М. Философова (1807 г.), И. Алфёрова (1816 г.) и Н. Потанина (1839 г.) [1, 86; 2, 584 об.; 3, 334 об.; 5, 714]. Ни в рапортах и отчётах опекунов, ни в других делах эти фамилии не встречаются.

Обязанности опекуна были сопряжены с материальной ответственностью. Так, после смерти купца 1-й гильдии М.Я. Петровского, как и полагалось по закону, была произведена опись оставшегося имущества. Однако во время этой процедуры не присутствовали кредиторы, поскольку опекуны не сообщили в сиротский суд о наличии вексельных претензий. В целом недвижимое имущество М. Петровского было оценено в 22446 руб., а сумма долга различным кредиторам составляла 29601 руб. Каменные лавки были заложены, в лавках «товаров и в подвалах напитков» обнаружилось на 6000 руб. Даже полная распродажа всего наследства не позволяла погасить долг. Магистрат запретил проводить аукционные торги, ссылаясь на необходимость защиты интересов малолетних наследников [3, 69, 72, 325-326], а палата гражданского суда распорядилась «за упущение» (сокрытие сведений о долгах) наложить секвестр на имущества опекунов [18, 126 об.-127].

Нарушения закона во время составления описи при установлении опеки были достаточно распространённым явлением. Наиболее типичной была попытка утаить часть имущества, чтобы снизить налог на наслед-

ство. В этих целях было удобно использовать традицию отдельности имущественных прав супругов, характерную для российского законодательства. Русское право предусматривало для женщин возможность самостоятельного владения собственностью. Окончательно эта норма была закреплена указом от 17 марта 1731 г.: «Собственным их приданным именьям, и что они, будучи замужем, куплею себе или после родственников по наследству присовокупити, быть при них...» [26, № 5717]. Учёт сделок с недвижимостью производился как в городском магистрате, так и в палате гражданского суда, поэтому утаить сад, пожню, дворовое место и т.п. было невозможно. Зато любой член семьи при наличии средств мог приобрести серебряную посуду, упоминания о которой часто встречаются в описях купеческого имущества, «цепочки золотые звенчатые», образа в серебряных с позолотой окладах и т.п. Эти вещи могли быть и подарены. Установить права собственности на движимое имущество не всегда представлялось возможным.

В делах Владимирского сиротского суда сохранились сведения о махинациях с наследством до установления опеки или непосредственно во время процедуры составления описи. Например, Андрей Ульянов, двоюродный брат умершего купца Кузьмы Ульянова, был назначен опекуном к вдове Матрёне Ульяновой и ее малолетней дочери. В своем рапорте в сиротский суд опекун отметил, что часть имущества была спрятана вдовой в доме Алексея Лапотникова и «при генеральной описи» не учтена. Сама вдова уверяла, что припрятанные «образа в окладах, семь серебряных стаканов, поднос, четыре ковшичка» и другие предметы составляли «её вдовино имение», доставшееся от бабки, купчихи Котельниковой. Между тем А. Ульянов утверждал, что спрятанные от описи вещи остались «точно после покойного мужа из опщеве нашего прародительского дома по разделу покойных Козьмы Ульянова и моего родителей» [12, 29-29 об.]. Некоторой нечистоплотностью отличались и сами опекуны-родственники. При составлении описи имущества уже упоминавшегося М. Петровского первоначально не были учтены оставшиеся в лавке товары стоимостью в 3000 руб. (ровно половина того, что должно было поступить в опеку). История получила огласку только после предъявления кредиторами векселей к протесту. Следует отметить, что одним из опекунов, назначенных сиротским судом, был И.Г. Петровский, двоюродный брат умерше-

го, а среди ратманов городского магистрата числился в это время М.Г. Петровский, также двоюродный брат покойного [3, 69; 34, 84]. В данном случае опекун преследовал свои личные цели. Для обеспечения содержания опекаемых ему предстояло продолжить торговое дело двоюродного брата. Сокрытие части товара предоставляло реальную возможность увеличить свой собственный капитал, а не только получать положенные по закону 5 % от прибыли. Ущемление интересов опекаемых в этой ситуации являлось для опекуна, вероятно, фактором второстепенным.

Некоторые сложности с установлением опеки возникали в тех случаях, когда «имение» умершего являлось частью общего капитала. Чтобы сохранить имеющийся социальный статус, дававший определенные сословные преимущества, купцы стремились предотвратить дробление капиталов. Часто «не в разделе» с главой семьи состояли его братья и взрослые сыновья, нередко со своими семьями. В соответствии с действующим законодательством они не являлись юридическими лицами и все сделки могли осуществлять только от имени «начальника капитала». После его смерти у них появлялась возможность начать самостоятельное «дело». В случае поступления имущества в опеку такой возможности уже не было. Подобная ситуация возникла, например, после смерти купца 3-й гильдии А. Гордеева, в одном капитале с которым состоял его брат, Осип Гордеев. Из-за долговых претензий имение – наследство малолетних – было арестовано. Брат покойного обратился в городской магистрат с просьбой оставить его «в купечестве в капитале 8000 руб.» при условии уплаты в казну процентных денег и даже пени после того, как будет снято запрещение с принадлежащей ему части имения. Магистрат просьбу удовлетворил [4, 29 – 30].

Раздел имущества с целью предотвращения секвестра допускался в отдельных случаях и после установления опеки. Например, после смерти жены купец С.С. Галкин был назначен опекуном своих четверых детей. Через год кредиторами были предъявлены различные долговые документы, вследствие чего возникла угроза ареста имущества. Галкин предложил выделить в самостоятельную часть приданое жены, чтобы оно «не подпало аресту и описи». По справке из городского магистрата выяснилось, что приданое «в святых образах и прочих вещах» составляло 1000 руб. и дополнительно 250 руб. «обращалось в торгу». Сиротский суд принял

решение сообщить в городскую полицию «о неприсоединении имения жены к имению отца» [18, 85-85 об.]. Данное решение позволяло опекуну продолжать торговлю, хотя и в ограниченном объёме.

Источники доходов в семьях, потерявших кормильца, зависели от структуры оставшегося имущества. Анализ представленных опекунами в сиротский суд документов позволяет сделать ряд наблюдений.

Владимир конца XVIII – первой половины XIX в. – это город с ярко выраженной аграрной экономикой. К середине XIX в. садами и огородами было занято 280 десятин, что составляло приблизительно половину всей городской площади [43, 48]. Особенно славился город знаменитой владимирской вишней. Поэтому закономерно, что в отчётах опекунов постоянно встречаются сведения о доходах, полученных с «огородных земель», от сдачи внаём гряд и пожен, от проданного «вишенного плода» или «вишенного молодёжника» (саженцев). Чаще всего этот источник доходов использовался в мещанских семьях, где торговля была незначительна или совсем отсутствовала [10, 12 об.; 12, 1 об.; 13, 2.; 16, 3 об.]. Следующей по распространённости статьёй дохода была сдача в аренду жилых помещений – целых домов «со всем строением» и огородам, флигелей или отдельных «покоев», горниц и т.п. [10, 1, 3 об., 9 об.; 11, 8, 35]. Этот промысел был довольно популярен в городе, так как имелось много семей, владевших тремя-пятью домами, что явно превышало потребности в жилье [7, 83, 85, 93]. Квартироросъёмщиками являлись преимущественно экономические крестьяне или мелкие чиновники, не имевшие в городе своих домов, а также военные. В рапортах опекунов встречаются сведения о том, что невозможно сдавать в наём оставшееся в наследство жилье малолетних «за ветхостию». В результате в отчетах за год в графе «в приходе» появлялась запись: «ничего не имеется» [16, 7]. Такие ветхие строения сиротский суд разрешал продавать «на дрова». Вместе с тем сдача в аренду жилых помещений была исключительно выгодна: в 1791 г. «наем дома со всем строением» приносил опекаемым от 30 до 60 руб. в год, в 30-х гг. XIX в. эта сумма уже составляла почти 500 руб., а использование двух флигелей под постоянный двор давало до 650 руб. дохода (цены приведены в ассигнациях) [10, Л. 9 об; 24, 7, 35]. Не обошлось и без мошенничества. В 1791 г. опекуны М. Ульяновой обратились в сиротский суд с просьбой взыскать деньги с секунд-майора

Н. Карташева, который съехал, не заплатив за квартирование за 8 месяцев [9, 30].

Торг не указан, как ни странно, основным источником дохода в купеческих семьях, оставшихся без кормильца. Не исключено, что здесь имели место определённые махинации с отчётной документацией. Например, в отчёте о доходах опекаемой семьи купцов Белоглазовых упоминается торговля «в нанятой лавке в суконной линии». За эту наёмную лавку за год внесено 100 руб. ассигнациями (указано в графе «расходы» в 1834 г.), а сумма выручки не зафиксирована. Очень сомнительным выглядит доход от торговли в собственной лавке Серкиных «в калашном ряду» - 20 руб. за год. В обеих семьях «приучались к торговле» под присмотром опекунов старшие сыновья в возрасте 18 — 21 лет. Сын умершего купца Мочалова (17 лет) был сидельцем в лавке своего опекуна [24, 7 об.-8, 13 об.-14, 35]. Никто из названных детей не объявлял капитал самостоятельно.

При отсутствии или явной недостаточности дохода опекуны с разрешения сиротского суда могли продавать имущество, внесённое в опись. Помимо ветхих построек, продавали «за ненадобностью» лошадь, корову, «горницу с сеньми», одежду [12, 1 об.; 16, 3 об.]. Вырученные средства обычно употреблялись «на прокормление малолетних» или пускались в оборот.

Получение процентов по вексельным операциям частных лиц как источник дохода практически не использовалось. Вероятно, это было связано с определённым риском — вследствие неплатежеспособности заёмщика можно было остаться не только без процентов по займу, но и без основной суммы. Механизм поручительства срабатывал не всегда, да и взыскание долга по вексельным претензиям было сопряжено обычно с долгой судебной волокитой. Изучение дел Владимирского городского магистрата показывает, что в течение года в нём регистрировалось около ста претензий, по которым начинались судебные разбирательства [35, 44]. Намного продуктивнее являлось сотрудничество с Приказом общественного призрения. По закону приказы имели право принимать вклады от частных лиц «с целью приращения их процентами» на срок до трёх лет [27, № 27105]. В отчётах опекунов встречаются указания на доход в размере от 33 до 90 руб. от помещённого во Владимирский приказ «капиталу» из 5 % годовых [24, 11 об., 31]. Сиротский суд тщательно следил, чтобы свободные денежные средства не оставались «без всякого прира-

щения для пользы малолетних». Например, в 1826 г. после смерти купца П. Калинина был продан его дом с земельным участком за 700 руб. По каким-то причинам покупатель долгое время не являлся за купчей. Весь этот период семья Калининых не могла получить причитающуюся им сумму. По решению сиротского суда деньги были «встребованы» и помещены в Приказ общественного призрения «на вексель» [18, 91 об.].

Наличие промышленных заведений в семьях опекаемых отмечено только в трёх случаях, и все после смерти главы семьи перестали функционировать. Были проданы за долги комиссариату две полотняные фабрики Ф. Новикова (1807 г.), остановился сальный завод И. Алферова (1816 г.), прекратила работу пивоварня М. Петровского [3, 429; 4, 31; 18, 78].

Большое значение имело установление опеки над мещанскими семьями с очень низким уровнем жизни. Судя по описям, основное их имущество составляли лишь небольшие деревянные дома и садово-огородные участки. В отчётах по опеке этих семей из года в год отмечалось: «В приходе и расходе никакой денежной суммы не имеется», «в приходе ничего нет», «дохода не имелось» [10, 5; 15, 10, 12; 16. 7]. Источниками существования сирот указывалось «вспоможествование опекуна», «содержание от опекуна и других родственников». В двух случаях упоминается выделение средств «на прокормление от общества». Сумма выделяемого для всей семьи пособия была мизерной — «по рублю на каждый месяц», т.е. 12 руб. в год. В одной из семей было двое детей («третий малолетний помре»), во второй — четверо [15, 11, 12]. Такое же пособие выдавалось семье отданного в рекруты мещанина. Полученные 12 руб. расходовались «на прокормление» двух детей, все остальные доходы поступали «от рукоделия матери их» [17, 4]. Для сравнения: на содержание одного ребёнка в возрасте от 3 до 7 лет в воспитательном доме в 1808 г. требовалось 38 руб., не считая затрат на отопление, освещение, приобретение мебели и прочее [43, 93].

Расходы в опекаемых семьях вполне соответствовали норме закона — «по имуществу без излишества и без роскошных прихотей». Основная статья расхода — «на содержание малолетних» - включала в себя продукты питания (муку, крупы, хлеб, сельдь, редко — мёд и говядину), а также одежду и обувь. В конце XVIII в. на эти цели отводилось, в зависимости от величины дохода, от 5 до 30 руб.

в год (в основном 11 — 13), в середине XIX в. — от 15 до 80 руб. на одного ребёнка. В отчётах конца XVIII в. традиционно указывалось, что мальчики-сироты «приучаются к торговле», а девочки — «к женскому рукоделию». С 20-х гг. XIX в. новой статьёй становятся расходы «на обучение малолетних» — покупка бумаги, карандашей, перьев, прописей и даже «перделка шинели» для учащегося уездного училища. В отчётах подробно расписывались и расходы по хозяйству в целом: покупка дров, починка дома и хозяйственных строений, «чищение сада» и т.д.

Обязательным для опекунов являлось погашение долгов, оставшихся после смерти главы семьи. Если долги были крупными, и из текущих доходов погасить их не удавалось, с разрешения Сената позволялось продать часть недвижимого имущества. Сиротский суд внимательно контролировал подобные сделки. Так, вдова М. Белоглазова в 1851 г. потребовала признать недействительной продажу за 2500 руб. сер. двухэтажного каменного дома, выстроенного её мужем. Покупательницей явилась жена опекуна семьи Белоглазовых. Эта цена была признана сиротским судом «невыгодной», и сделка отменена. Вторично дом продали за 5100 руб., и снова жене опекуна. Несмотря на то, что сиротский суд признал произведенную продажу «к удовольствию малолетних», вдова вновь потребовала назначить «переторжку». По её мнению, дом, находящийся «в лучшем месте города», может стоить 8000 и даже 10000 руб. Попутно она обвинила опекуна в том, что он больше заботится об интересах своей жены, а не порученных его попечению сирот. В третий раз с аукциона дом был продан за 7135 руб. [21, 114 — 195].

Отдельной статьёй расхода выделялись налоги и подати: за объявление капитала, поземельный сбор, казённый постоя, на городские расходы, десятскому с двора, в управу благочиния, рекрутские деньги. Эти платежи имели фиксированный размер, и опекуны должны были следить, чтобы не было недоимок. В случае судебных разбирательств в обязанности опекунов входила защита интересов малолетних, и все издержки — за гербовую бумагу, подачу апелляций — также относились за счет опекаемых [10; 12; 15; 20; 24].

Отношения между опекунами и их подопечными складывались неоднозначно. В сиротский суд неоднократно поступали жалобы на злоупотребления, допущенные в период опекунов. Деятельность самого сиротского суда контролировалась департаментом

гражданских дел губернского магистрата, впоследствии — палатой гражданского суда и губернским стряпчим. Проверке подлежали прежде всего финансовые отчёты. Каждую статью расхода было необходимо подтвердить соответствующими документами — справками из магистрата об использовании гербовой бумаги, расписками в получении денег разными лицами за оказанные услуги, даже точным указанием на то, в какой лавке были закуплены продукты питания и по какой цене. В отдельных случаях опекунам приходилось заново составлять отчёты. Особенно тщательным становится контроль с конца 20-х гг. XIX в. Вероятно, это было связано с общим процессом усиления бюрократизации государственного аппарата. Например, в 1828 г. губернский стряпчий отправил сиротскому суду предписание привести в порядок журналы заседаний, в которых требовалось «все почистики, приписки и поправки» заверять подписями присутствующих лиц [16, 10, 13; 23, 8-8 об.]. Однако никакой контроль над опекунами не мог предотвратить злоупотреблений. Вдовы жаловались, что опекуны «расхищают имение» малолетних, не возвращают после достижения опекаемыми 17-летнего возраста деньги, даже застраивают принадлежащие малолетним земельные участки. Однажды городскому магистрату пришлось разбирать конфликт между вдовой М. Ульяновой и опекуном А. Лапотниковым. Ратман магистрата, вызванный в ходе ссоры соседями, обнаружил на вдове «боевые знаки... голова в одном месте проломлена, нос перешиблен, едва может глазами зреть». Поводом для жестокого избиения стал спор о принадлежности нескольких серебряных вещей. Следует отметить, что опекун — Лапотников — являлся дядей М. Ульяновой [18, 110; 12, 28, 54 об.].

Родственные связи не играли решающей роли в отношениях опекунов и опекаемых, родственные чувства отходили на второй план, когда речь заходила о неизбежных расходах или возможной прибыли. Сиротский суд, как уже упоминалось, требовал очень подробные отчёты о расходовании средств в опекаемых имениях. Опекун купец В.И. Лазарев в отчёте за 1841 г. указал, что им было истрачено 17 руб. «для наемки няньки» для своего опекаемого, причём дважды подчеркнуто, что средства выделены «из собственного капитала». Подопечным купца Лазарева являлся его собственный пятилетний сын [25, 22 об., 44].

Таким образом, в последней четверти XVIII в. в России была сформирована система

социальной защиты. Для городских слоёв населения – купцов, цеховых, мещан – специально учреждёнными органами опеки и попечительства стали сиротские суды. Порядок их деятельности, штаты, обязанности опекунов и даже их личные качества были подробно регламентированы законодательством. «Учреждения для управления губерний» предусматривали, что органы опеки должны тесно сотрудничать с городскими магистратами. Скурпулёзная законодательная проработка функций сиротских судов показывает, что власть считала их полноправным элементом формирующейся структуры местного управления. Члены сиротского суда – городской голова, ратманы, городской староста – являлись представителями выборной городской администрации. Контролировалась их деятельность органами коронной власти – наместническим правлением, губернским стряпчим, – что подчёркивает заинтересованность государства в эффективности социальной защиты.

Основная обязанность сиротских судов – это обеспечение нормального функционирования первичной экономической ячейки – семьи купцов, мещан, ремесленников. Никто никогда не подвергал сомнению факт семейственности предпринимательской деятельности. Как правило, в семье производилось обучение основным производственным навыкам, происходило функционирование капитала. Поэтому потеря кормильца – это серьёзное испытание не только для близких, членов семьи, но и для «дела». В отдельных случаях сиротский суд мог пойти на мелкие нарушения, чтобы сохранить функционирование капитала в осиротевшей семье. Следовательно, значение установления опеки не исчерпывается лишь социальной защитой в соответствии с традициями милосердия и человеколюбия; это ещё и проявление политики государства по обеспечению деятельности первичных экономических структур общества.

Для защиты семей, оставшихся без кормильца, государство стремилось привлечь в качестве опекунов прежде всего ближайших родственников, справедливо полагая, что они более всего заинтересованы в сохранении семейного капитала. Между тем, анализ дел Владимирского сиротского суда показывает, что родственные связи совершенно не мешали опекунам злоупотреблять своим положением, утаивая часть доходов и даже присваивая себе имущество своих подопечных. Наличие «почисток» и исправлений в отчётах также

свидетельствует о возможных финансовых махинациях. Исключительно редко в отчетных ведомостях показано превышение доходов над расходами за год. Обычно сумма в графе «доходы» с поразительной точностью, вплоть до копеек, совпадает с суммой «на содержание малолетних». Только в самых бедных мещанских семьях родственники-опекуны оказывали помощь сиротам, не надеясь на получение положенных 5% вознаграждения. За период с конца XVIII – до середины XIX вв. в фонде сиротского суда выявлена информация о 41 семье, состоявшей в опеке. Из них 13 – мещанских, 28 – купеческих. В трёх семьях есть упоминание о смерти детей в период опекунов, но две из них – Белоглазовы и Петровские – относятся к самым зажиточным купеческим фамилиям. Эти смерти, скорее всего, никак не связаны с потерей кормильца. Только восемь из указанных семей за данный период выбыли из состава купечества: по данным 9-й ревизии они числились мещанами [6]. Таким образом, следует признать, что система попечительства в целом выполняла свои функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Владимирской области (Далее: ГАВО). Ф. 17. Владимирский городской магистрат. Оп. 1. Д. 21.
2. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 268.
3. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 280.
4. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 371.
5. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 575.
6. ГАВО. Ф. 400. Владимирская городская дума. Оп. 1. Д. 3.
7. ГАВО. Ф. 400. Оп. 3. Д. 64.
8. ГАВО. Ф. 549. Владимирский сиротский суд. Оп. 1. Д. 25.
9. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 39.
10. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 41.
11. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 43.
12. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 44.
13. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 45.
14. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 55.
15. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 58.
16. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 60.
17. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 63.
18. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 204.
19. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 214.
20. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 269.
21. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 301.
22. ГАВО. Ф. 549. Оп. 2. Д. 35.
23. ГАВО. Ф. 549. Оп. 2. Д. 39.
24. ГАВО. Ф. 549. Оп. 2. Д. 42.
25. ГАВО. Ф. 549. Оп. 2. Д. 53.
26. Полное собрание законов Российской империи. Издание 1-е. (Далее: ПСЗ-1). Т. VIII. N 5717.
27. ПСЗ-1. Т. XXXIV. N 27105.
28. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи.

- сийская империи // Законодательство Екатерины II. В двух томах. Т. 1. М., 2000.
29. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д., 1995.
30. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002.
31. Думенко О.Е. Сиротский суд города Твери в системе местного управления конца XVIII - начала XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. Сб. научных трудов. Тверь, 2006. Вып. 4. С. 71-76.
32. Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1902.
33. Каррер д'Анкосс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. М., 2006.
34. Киприянова Н.В. Государственные службы владимирского купечества // Материалы областной краеведческой конференции (20 апреля 2007 г.). Т. 1. Владимир, 2008. С. 73-87.
35. Киприянова Н.В. Год из жизни владимирского городского магистрата // Материалы Межрегиональной краеведческой конференции (28 апреля 2008 г.). Владимир, 2009. С. 42-46.
36. Мадариага, Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2004.
37. Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. 4. История российских гражданских законов. Ч. 2. СПб., 1857.
38. Новицкая Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М., 2005.
39. Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984.
40. Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. / Штамм С.И., Исаев А.И. и др. М., 1992.
41. Середа Н.В. Реформа управления Екатерины II. М., 2004.
42. Чистяков О.И. Органы местного управления // Законодательство Екатерины II. Т. 1. М., 2000. С. 310-337.
43. Шулулс И.И., Киприянова Н.В. и др. Губернский город Владимир в последней трети XVIII – первой половине XIX в.: очерки повседневной провинциальной жизни. Владимир, 2008.

N. Kipriyanova

ACTIVITY OF ORPHANED COURT OF VLADIMIR IN THE END OF XVIII – FIRST HALF XIX CENTURY

Abstract The article deals with the functioning of the Orphan's Court in the last quarter of the 18th and the first half of the 19th century, describes the legislative base, formation principles and status of the Orphan's Court in the system of municipal administration, and gives characteristics of relationships between wards and guardians, peculiarities of financial matters in families which suffered the loss of the breadwinner. The article provides a conclusion on the efficiency of the Orphan's Court.

Key words: Catherine II's reforms – Orphan's Court - family – financial matters.

УДК 352

Галкин П.В.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ЗЕМСКИХ СЛУЖАЩИХ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР*

Аннотация: В статье рассматриваются попытки улучшения материального положения служащих, предпринимавшиеся представителями «третьего элемента», а также отношение к этим инициативам властных структур.

Административный надзор обеспечивал строгое соблюдение уставных документов. Но в своей практической деятельности общества взаимопомощи были самостоятельны. Это позволило создать ряд организационных форм, ставших предтечей профсоюзного движения.

Ключевые слова: социальная защита земских служащих.

В современном обществе функции социальной защиты населения в значительной степени взяло на себя государство, оставившее органам местного самоуправления адресное распределение и учет. Помимо этого, разовую материальную помощь, как правило, оказывают сотрудникам на большинстве предприятий. Однако в последние годы наметились тенденции как к сокращению количества профсоюзных организаций, так и к уменьшению объема их работы. Начавшийся финансовый кризис, напротив, на первый план ставит задачи комплексной социальной помощи служащим, в том числе в государственных и муниципальных учреждениях. В этой связи представляется интересным и по-

* © Галкин П.В.